

Мечта сбылась!

Свершилось то, о чем мечтал русский народ веками. Отныне все моря европейской части СССР соединены единым водным путем. Многомиллионный советский народ торжественно отпраздновал 27 июля вступление в строй перенца великих строек коммунизма: путь по Волго-Донскому судоходному каналу имени В. И. Ленина открыт.

...Составляя жизнеописание и историю государственной деятельности Петра I, А. С. Пушкин записал: «... по царскому повелению... сочинена другая карта — земля между Доном и Днепром. Петр положил соединить Волгу и Дон и велел начать уж работы, положив таким образом начало соединению Черного моря с Каспийским и Балтийским». В скобках Пушкин делает для себя пометку о «сочиненной» карте: «достать из Главного штаба». Великому русскому поэту были близки и дороги дерзкие, но так и не осуществленные замыслы Петра I.

Смелая идея соединения двух великих русских рек не угасала в сердцах русских людей. После Петра до 1917 года были предложены десятки проектов этого соединения. Ни один из них не был осуществлен. Этому мешали помещичий гнет, техническое бессилие крепостной России, ничтожество ее монархов, тугошесть вельможных чиновников. Проекты покрывались пылью в архивах, старели, забывались.

Великий Октябрь, пробудивший в жизни творческие, созидательные силы народа, сделал реальными смелые замыслы. Вопрос о Волго-Доне был поставлен в повестку дня. В. И. Ленин придавал большое значение созданию Волго-Донского канала. Он характеризовал будущий канал как мощный транспортный рычаг, долженствующий повернуть экономику отсталых областей Юго-Востока России. Уже в 1918 году, когда молодая Советская республика не на жизнь, а на смерть боролась с интервентами, на трассе канала проводились проектные изыскания. В дни героической обороны красного Марицкина И. В. Сталин вместе с К. Е. Ворошиловым написал процессное слово о Волго-Доне: «Канал проем после утопления кадетов в Волге и Дону».

То, что было мечтой, стало реальным делом нашего государства. И. В. Сталин разработал величайшую программу построения коммунизма в нашей стране, программу, решающую энергетические проблемы, с решением преобразованием природы, в развитии транспортных связей.

Могучий перенец великих строек, Волго-Донской судоходный канал имени В. И. Ленина — образец сталинского стиля осуществления народнохозяйственных задач.

Волго-Дон — это и судоходный канал, открывающий Москве водный путь во все порты мира, и крупная гидростанция, заглавливающая над землей яркое огни коммунизма, и мощная система оросительных сооружений, призванная преобразовать засушливые земли в цветущие сады.

У великого народа — великие мечты, великие планы и великие свершения.

Волго-Дон — это: перевозка миллионов тонн различных грузов — хлеба и рыбы, угля и нефти, машин и стройматериалов, химикатов и цемента — с Урала в Донбасс, с Кубани в Поволжье, с Каспия в северные районы страны;

сотни тысяч гектаров преобразенных земель, которые щедро одарят трудолюбивого советского человека своими благами; 460.000.000 киловатт-часов дешевой электроэнергии в год;

около 400.000 железнодорожных вагонов, которые будут высвобождены благодаря каналу в ближайшие два-три года; восьмикратное снижение себестоимости перевозок.

Великое сооружение создано за три года! Подобных темпов работ не было ни на одной стройке в мире. Даже для нашей страны такие темпы были не совсем обычными: они в два с половиной раза превзошли темпы работ на строительстве канала имени Москвы и в восемь раз — Беломорско-Балтийского. На Волго-Доне естественнo укладывались тысячи километров железобетона, забивались сотни ступиц

свай, монтировались тысячи тонн металлоконструкций, разгружались тысячи железнодорожных вагонов с оборудованием. Привычные понятия о технических нормах были опровергнуты советской строительной практикой. Время было побеждено. Его победили советские люди, вооруженные самой мощной и совершенной техникой, передовой советской наукой, вдохновенные на подвиги величайшими идеями коммунизма. У перенца великих строек был мощный и надежный тыл: свыше тысячи крупнейших заводов страны посылали на стройку свою продукцию — экскаваторы и самоходные краны, гидротурбины, землесосы и телеавтоматку, станины и бетонные заводы. Волго-Дон — детище всей Советской страны.

В годы строительства зародилось патриотическое движение — всенародная помощь великой стройке. Это замечательное движение имело самые разнообразные формы: досрочный выпуск сверхплановой продукции для нужд стройки, помощь ученых, инженеров и станочников, шефский ремонт машин и механизмов, снажение стройки запасными частями, скорейшая доставка грузов на стройку и т. д.

Как различна практика гидростроительства в СССР и в капиталистических странах! Вспомним, как строились Суэцкий и Панамский каналы, плотины в дельте Нила... Вокруг этих и подобных им других капиталистических строек развернулись жуткие сцены аферы, парил атмосфера бесстыдного, безудержного хищничества. Капиталистические стройки служили рычагом колониального гнета народов. Подобно опустошительным захватническим войнам, они уносили в могилы тысячи человеческих жизней и, как войны, несли сверхприбыли кучке дельцов.

Волго-Дон — стройка мира. От берегов канала во все концы света разносится весть о трудовых подвигах советского человека. Взоры всех свободлюбивых людей обращены к историческим берегам Волги и Дона, которые стали свидетелями нового мирного триумфа советского народа.

На высоком волжском берегу, видный за десятки километров, возмущается монумент товарища Сталина. Волы Волги и Дона плещутся о гранитные ступени лестницы, обвивающейся вокруг двадцатиметрового постаamenta. Товарищ Сталин снял фуражку и держит ее в руке. Его взгляд устремлен ввысь.

Каждый день к входу в канал приходят тысячи людей — хлеборобы и студенты, рабочие и художники, строители и пионеры. Гордостью за свой великий народ, за свою цветущую Родину, за своего вождя исполнены сердца стоящих у подножия монумента людей. Торжественные гудки пароходов, отдающих приветственные салюты, разрезают воздух. Страна приносит благодарности величайшему человеку на земле.

Волго-Дон — не только крупнейшее сооружение современности. Это не только плотины, насосные станции, плотины, потоки электроэнергии, оросительные каналы. Это также грандиозный памятник искусству, достойный памятник эпохи, которая будет изумлять многие поколения людей величием замыслов и их свершений.

Народы слагают о Волго-Доне песни и поэмы. На десятках языков звучат слова приветствия создателям великого сооружения коммунизма. Летописцы Волго-Дона, дела, мысли и поступки его творцов зянут в основу будущей эпопеи о героических буднях строительства, о радости созидания, о торжестве человека над природой.

Любимым взглядом окидывает строитель свое детище, свою прекрасную мечту, воплощенную в жизнь. Много трудностей пришлось преодолеть ему, нелегко далась победа над стихией, но зато как свободно дышит теперь, как радостно бьется сердце от сознания, что пройден большой, славный путь, и с высоты становятся видными самые большие мечтания, самые светлые дали.

Множество чувств переполняет сердце советского человека. Он пристально всматривается в даль, намечая свой дальнейший путь к грядущей цели. Он с любовью и гордостью восклицает:

— Слава Советской Родине!
— Слава героической партии большевиков!
— Слава великому Сталину!

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР ГАЗЕТА

№ 91 (2964)

Вторник, 29 июля 1952 г.

Цена 40 коп.

Торжество на берегах Волги и Дона РЕПОРТАЖ

Этим предпраздничным вечером весь Цимлянский гидроузел казался одним огромным домом, в котором заботливые хозяйки делают последние приготовления к приему дорогих гостей.

Размеры всего тут громадные — громады и размеры приготовлений, бесчисленных предпраздничных забот. Сотни людей пометают последние следы строительного мусора на шоссе, идущем вдоль мощного полукружия красавицы-плотины.

На пятнадцатом плъзе сажают у подножья белых с черным и золотом башен деревьев и кусты цветов.

Чуть поодаль, ожидая очереди, словно отдыхая с дороги, лежат на земле молодые деревца, с корнями, упакованными в большие дощатые ящики. А через час мы застаем их уже посаженными в землю. Легкий ветерок бережного Цимлянского моря шевелит зеленую листву.

На крутом берегу Цимлянского моря, возле сияющего белизны поселка эксплуатационников, в молодом яркозеленом парке высаживают последние кусты роз.

Усталый и счастливый начальник строительного района, сибн за запылом фуражки, смотрит, как на глазах расцветают последние черные кусочки земли вокруг стоящей над обрывистым берегом легкой, белой колоннады ротонды.

Быть может, начальнику и незачем быть сейчас здесь — цветы посадили бы и без него. По он не в силах оторваться, угля, пока на его глазах не будет сделано все, все до последней мелочи, — пока не посадят последние кусты, пока не оденут бедки вот этими полетками красно-белыми тентами, целый ворох которых совези мимо него на «никане».

С обрыва открывается величественный вид на величайшее дело человеческого рук — до горизонта уходит синь Цимлянского моря, белая линия плотины спокойной рукой перехватывает эти весенние воды и держит их, глядя сверху вниз, как пароходы и катеры бороздят тронутую ветерком легкую рябь пришедшей сюда дождливой воды.

Еще до торжества открытия канала, до того, как было назначено историческое собрание строителей этого прекрасного водного пути, проложенного в древней засушливой степи, из Дона и Волги в Дон успело пройти более 300 различных судов.

Мы проехали накануне торжества вдоль трассы канала от Сталинграда до Калача.

В степи, где свистели черные бури, жгущей сухой, пришла вода. Поразило, как сразу дала она этим степям невиданный свежий... Люди обрадовались. Появились несказанные надежды, каких и предположить нельзя было до этого удивительного лета. На каком-нибудь степном хуторе вместо надежд на случайную небесную тучу люди теперь думают о том, как привести к себе на поля эту живую воду. Люди с удивительной сметкой постигли все значение шлюзов и водохранилищ. Они уверяют приехавших, что лишь этим летом появились здесь первые утренние росы. Они уже надеются новорожденный Волго-Донской канал своими растительными легендами.

Здесь выдался нынче могучий урожай, какой знавали до сих пор лишь три-пять раз в столетие. Даже нынешняя жара в обводненной степи идет этому урожаю на пользу. Хлеборобы отбрасывают в сторону предположения о случайности природы, они верят, что урожай пришел с канала, и надо думать, что в этих наблюдениях немало правды.

Еще до наступления торжественного дня здесь во всем опущалась атмосфера народного праздника. Возвращаясь из Калача в Сталинград, мы встречали перепол-

ненные автобусы и машины. Это ехал уже к месту торжества наиболее дальновидный народ, собираясь к ночи занять места поудобнее, поближе к центру, на огромной площади, выбранной для митинга. В степном поселке мы попросили воды и увидели, как хозяйка выметает и убирают свой двор. Хозяйка с радужным и веселым стали приглашать нас остаться у них.

— Какое великое дело совершилось, — говорили они, — не грех теперь и порадоваться, грех не погулять.

Упрое праздника

С рассветом на вымытых и подметенных площадях Сталинграда загораются громкоговорители. Москва обращается к стране, Москва говорит о Сталинграде.

Столица поздравляла сталинградцев с праздником, рассказывала им, как восторженно приветствует великую победу строителей Волго-Дона весь наш народ, с каким восхищением пишут о завершении первой из грандиозных строек коммунизма прогрессивные государства всего мира.

Когда мы говорим — сталинградцев, — мы вкладываем в это слово предельное уважение. Сталинградцев — это синоним мужества в испытанных войнах и синоним беспримерной трудовой доблести мирных строек.

Свидетельством военной славы поднялись обелиски и монументы на площадях и перекрестках города, мемориальные доски — на стенах зданий, живые цветы — на могилках героев.

Свидетельство трудовых подвигов и великой жизнедеятельности нашего народа — весь этот город, возрожденный из руин, каждый его квартал, каждый дом, каждое зеленое дерево, шумящее листвою в скверах, на обычных улицах, за оградами парков.

И вот опять в этом городе праздник нового исторического свершения. Сталинград стал воротами нового водного пути из Волги в Дон.

С рассветом, проснувшись под веселую музыку репродукторов и приветственные слова Москвы, город дышал настоящим опущением праздника.

Соседи, встречаясь на лестничных площадках новых домов, поздравляли друг друга, празднично убрались столы в квартирах. И самолеты, которые палили над улицами в широкой синеве июльского неба, сбрасывая на город листовки с поздравлениями и приветствиями строителям Волго-Дона, усаивали это всеобщее праздничное чувство.

Поклонами на асфальте грузовик, увешанный флажками, насилх перекрестки тентами, чтобы защитить пассажиров от палящего солнца, — на Красноармейке!

Загудел у дебаркадера речного вокзала первый пароход, собирающий пассажиров на Красноармейке.

Понял по специальному расписанию поездка Сталинград—Красноармейск, увозя десятки тысяч людей на торжественный митинг в честь открытия канала имени Ленина.

И вот огромная площадь на левом берегу канала, у подножия величественного монумента, воздвигнутого в честь мудрого вождя и вдохновителя всех побед, наполнилась народом, сотнями тысяч радостных, счастливых людей.

На рейде, украшенном флагами, корабли приветственно гудели. Играли на площадях оркестры. Люди пели, и песнь пылала над широким рейдом...

Волнующие минуты

Грандиозна была проникнутая неподдельным восторгом картина митинга в Красноармейске — грандиозна и незабываема.

Огромная площадь у подножия величественного монумента. Берега, похожие на фантастические узоры безмерного ковара. Живые, переливающиеся и сверкающие, как солнечное море. Тысячи и тысячи людей, приветствующих и рукоплещущих.

Митинг открыл секретарь Сталинградского обкома ВКП(б) тов. И. Гринин. Он представил слово министру речного флота СССР тов. З. Шапкову.

От имени и по поручению Совета Министров Союза Советских Социалистических Республик и Центрального Комитета Всесоюзной Коммунистической партии, — раздается в торжественной тишине, — поздравляю строителей и всех трудящихся с успешным завершением строительства Волго-Донского судоходного канала и объявляю Волго-Донской судоходный канал имени Владимира Ильича Ленина открытым для эксплуатации.

Волнующие, незабываемые минуты! Свершилось!

Великая мечта великого народа стала явью сегодняшнего дня.

И взоры всех обращаются к монументальной скульптуре товарища И. В. Сталина, ибо каждый из участников митинга с благодарностью и любовью думает о нем — родном и любимом вожде, под чьим руководством осуществляются самые смелые мечты.

Об этом словами, идущими от всего сердца, говорят с трибуны начальник строительства канала И. Шикторов, колхозник И. Климов, приехавший на праздник из Ростовской области, знатный сталевар Сталинградского завода «Красный Октябрь» П. Тупиканов, начальник большого шагающего экскаватора А. Усков и другие.

Великое имя — СТАЛИН! — звучит, бесконечно переливаясь из конца в конец, повторяемое с восторгом и восхищением.

Когда с площади после митинга расходились люди, в их огромный поток вливались веселые процессии нескольких свадб, приуроченных к этому дню. Молодожены с друзьями присоединились к толпе, устремившейся к первому шлюзу, еще перекрытому широкой красной лентой.

Лента перерезана. Ворота распахиваются перед фламанским теплоходом «Иосиф Сталин», и множество цветов летит на палубу корабля. Среди цветов шестеро и свежие букеты новобрачных. Как будто они, много лет спустя, вспомнить этот день своей свадьбы, как будто рассказывать о нем своим детям!

На питувальном мостике теплохода — два старых лодмана. Один из них 62-летний Иван Прохорович Смирнов — волжанин, потомственный лодман из деревни Лавровка Горьковской области на Волге; другой, Филипп Александрович Попов из станицы Константиновка, двадцать восемь лет воил суда по Дону. Это было поистине символично, когда они стояли рядом, сияя широкими счастливыми улыбками.

В 15.40 по московскому времени флагман тронулся к устью канала. Перемещая гудками и сиренами всех кораблей на рейде, раскатилось по берегу неудержимое «Ура!» Десятки тысяч людей бежали по откосам Волги к первому шлюзу. Многие бросались в теплую воду и плыли рядом с теплоходом.

На каждом плъзе теплоход встречали приветственными возгласами множество людей.

Свесив ноги за паранет четвертого шлюза, сидел веселый парен в новой рубашке, с липом, обветренным до черноты. Размахивая руками, он восторженно кричал:

СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ:

Б. Ильин. — На земле и в воздухе (2 стр.).
Проф. Н. Архангельский. — Преображенная степь (2 стр.).
С. Львов. — Разведка большой тем (2 стр.).
Г. Ленов. — Намстечу жияни (3 стр.).
Слава победителям! (3 стр.).
Константин Симонов. — Рухнувший замсел (3—4 стр.).
В. Комаров. — Под крылышком лондонских олекунов (4 стр.).
XV олимпиадские игры: Анатолий Софронов. — Горит огонь на башне стадиона... (4 стр.).

— И жизнь хороша, и жить хорошо! Понятно? Хорошо!..

У шестого шлюза теплоход встретил группу мотоциклистов с вымпелами: «Пробег Саратов—Волго-Дон».

Над воротами шлюзов, над асфальтом нового плъза, вдоль канала напшаны были на транспарантах замечательнейшие слова, в которых запечатлена живая душа вдохновенных строителей коммунизма: «МИРУ—МИР!»

Вечером в недавно еще безводной степи засверкали облитые электрическим светом башни шлюзов, перечерчивая трассу завершеного канала.

Естественно и неотъемлемо вписан канал в степной пейзаж волгодонского междуречья. И как преображен, как украсил он эту истрадавшую от зноя степь! Невольно думаешь о том, что канал этот — лишь перенец грандиозного плана, что то же самое произойдет и в украинской степи и в знойной туркменской пустыне.

Гордость цимлянцев

И у берегов Цимлянского моря торжества начались ранним утром. Люди съезжались еще накануне, ехали и шли сегодня с рассвета. Тридцать тысяч человек плотно затопили огромную площадь — экскаваторчики и гидромеханизаторы, бульдозеристы и скреперисты,водители мотовозов и автомашин, бетонщики, опалубщики, арматурщики, гости из Ростова, Таганрога, шахт, казаки, спортсмены, школьники...

Льются над площадью, над всей степной округой звуки Государственного Гимна, звучит громовое «ура» — народ подхватывает здравичу в честь великого вождя, провозглашающую секретарем Ростовского обкома ВКП(б) И. Киселевым.

Гордость звучала в речах выступавших, гордость за свою великую Родину, труд свой и труд товарищей, за чудесное море, созданное человеком в этой степи, за новую мощную гидростанцию...

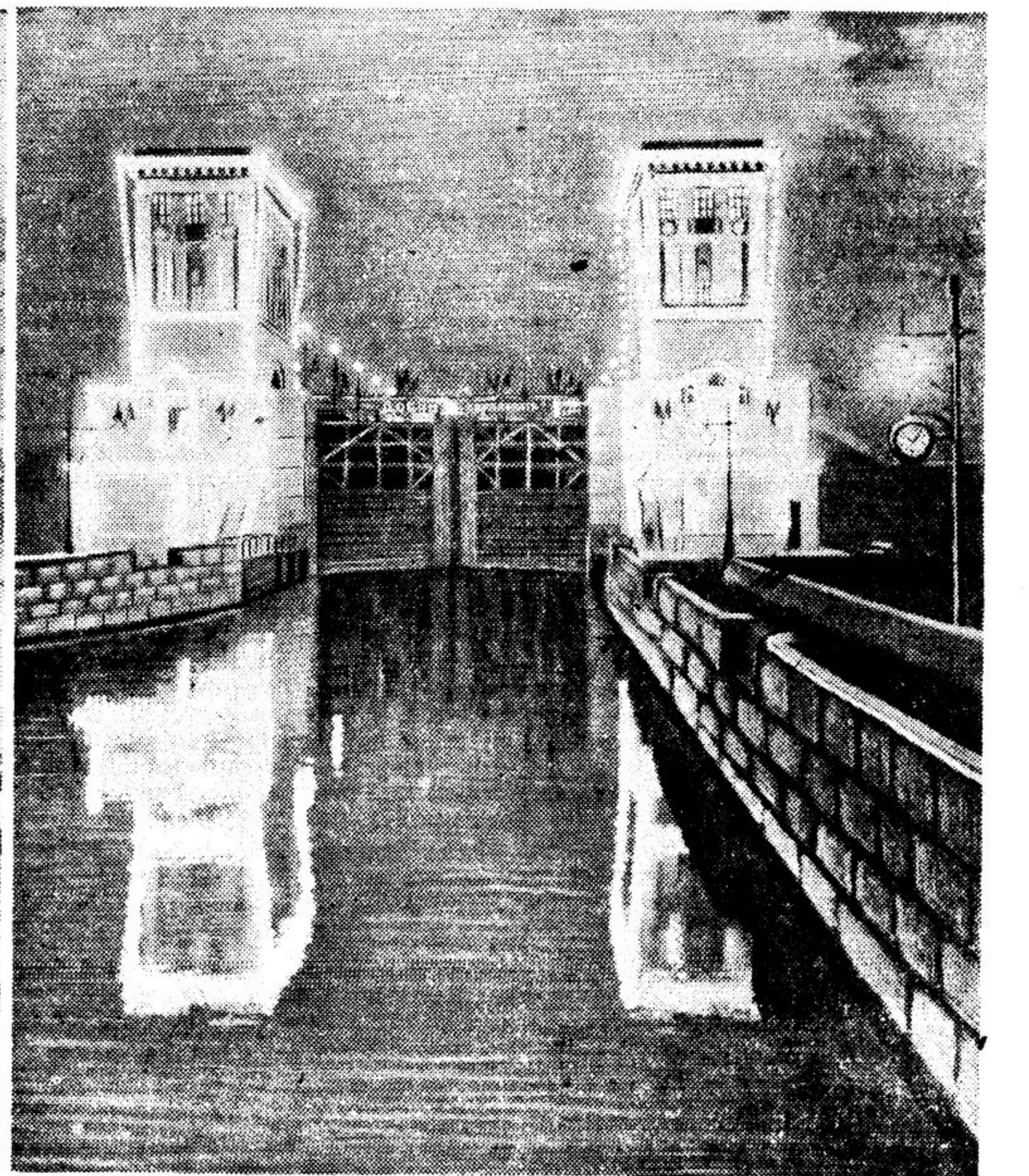
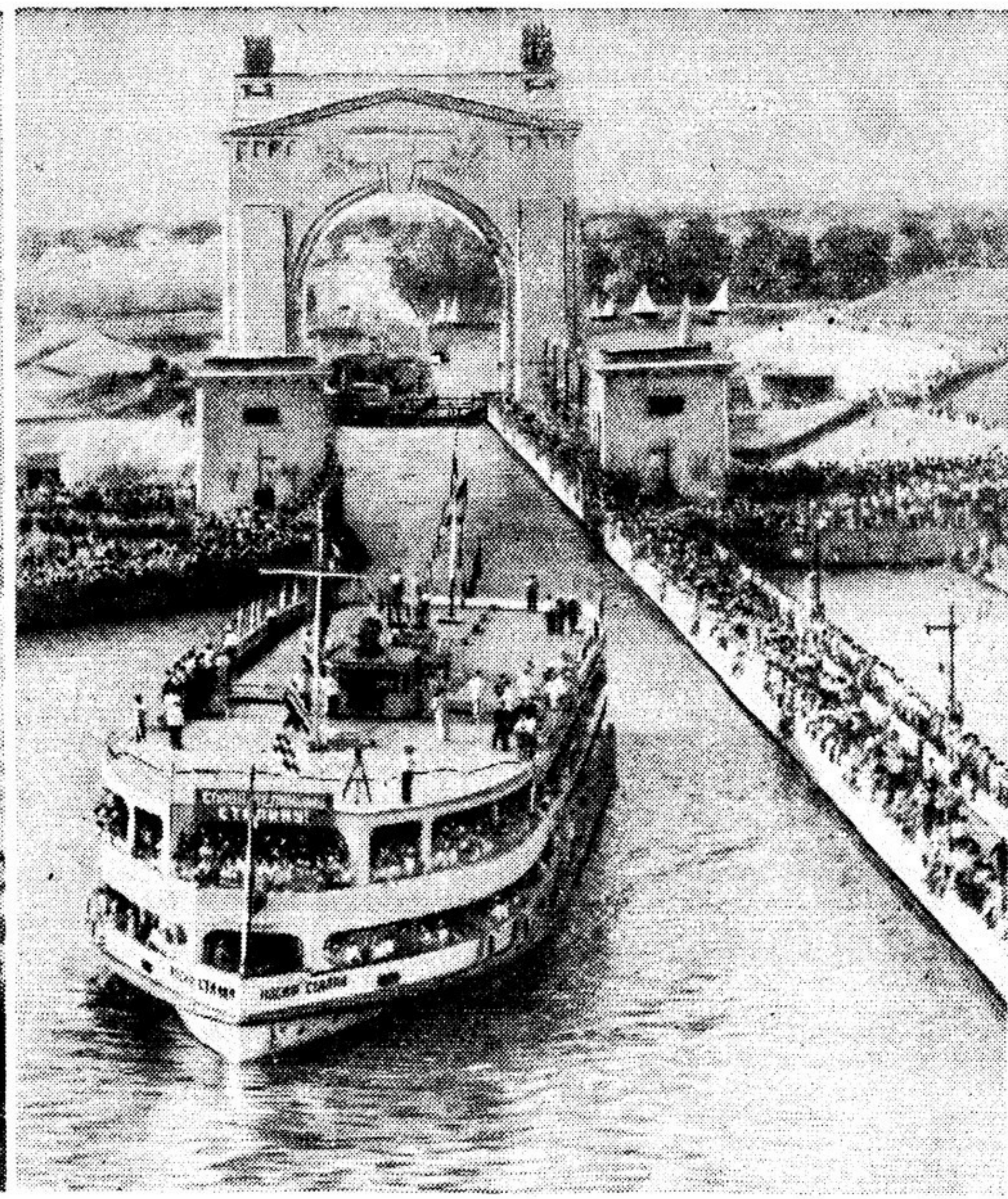
— Слово, данное товарищу Сталину, цимляны сдержали с честью, — говорит начальник строительства В. Барabanov, и гремит овация цимлянцев в честь великого вождя.

Допоздна продолжалось народное торжество. Самое молодое в нашей стране Цимлянское море бороzали яхты и швертботы. На спортивных площадках и стадионах состязались волейболисты, баскетболисты, легкоатлеты, футболисты, боксеры. Зрители и гости наблюдали выступления казаков, прибывших на конях из 21 района Ростовской области. Вечером в центральном клубе имени Ленина, садах Новосолоновска, на летних эстрадах строительных районов, в клубе состоялся концерт мастеров искусств.

Праздник шел от шлюза к шлюзу вместе с движением первого корабля. А вслед приближался к воротам шлюзов другое суда. И начались будни канала — деловые, наполненные большим, повседневным, необходимым Родине трудом.

Бригада «Литературной газеты»: И. ПОГОДИН, К. СИМОНОВ, А. ШЕЙНИН, В. ПОНЕДЕЛЬНИК, А. МАРЬЯМОВ, Л. ЮЩЕНКО

СТАЛИНГРАД — КАЛАЧ
27 июля. (По телефону)

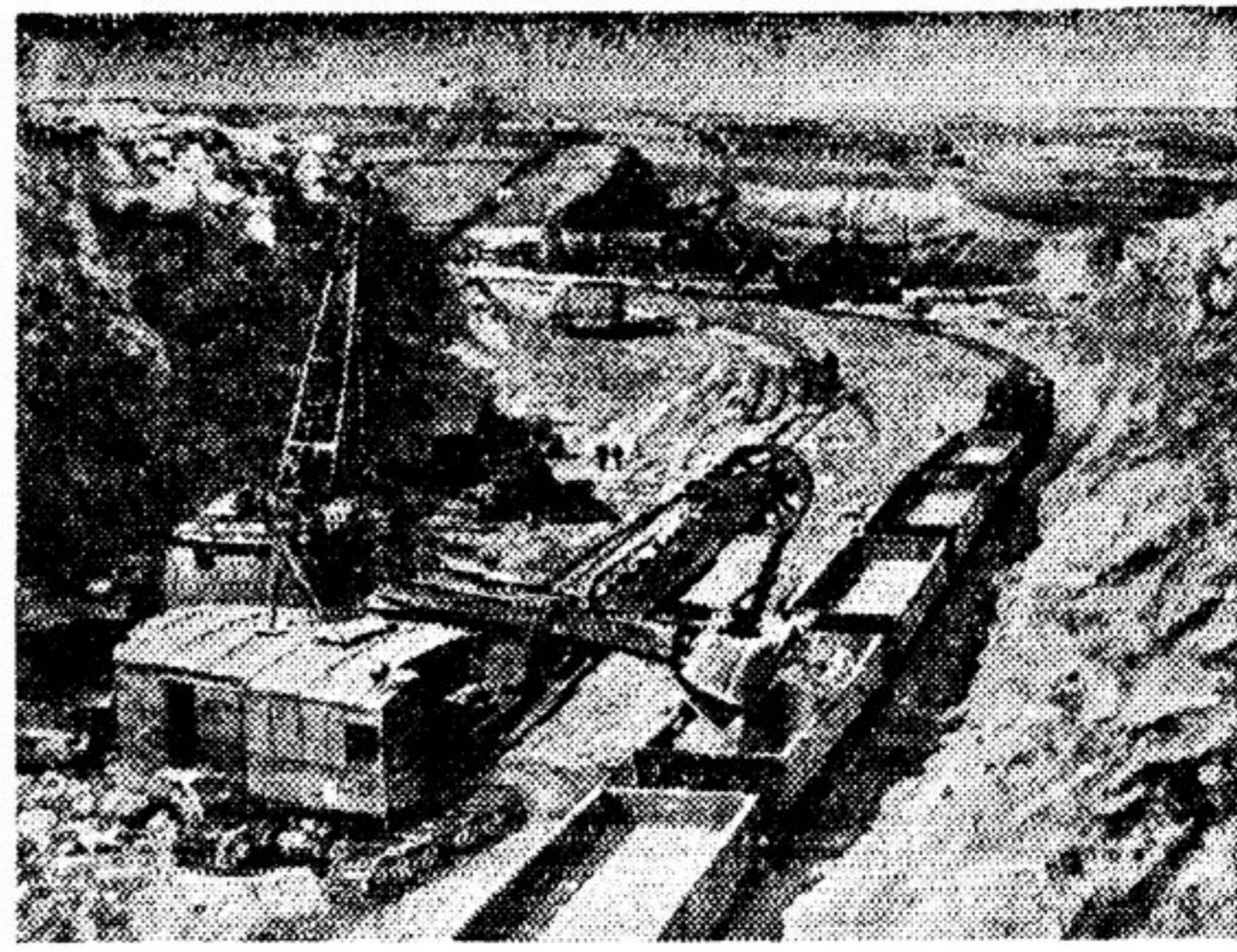

В день торжественного открытия Волго-Донского судоходного канала имени В. И. Ленина — 27 июля 1952 г. На снимках: Слева — жители Сталинграда и гости направляются на митинг. В центре — флагманский теплоход «Иосиф Сталин» входит в канал. Фото В. ПУШКИНА, В. ТЕМНА и М. АЛЬПЕРТА

НАВСТРЕЧУ ЖИЗНИ

СЛАВА ПОБЕДИТЕЛЯМ!

Зарубежные отклики на открытие Волго-Донского судоходного канала имени В. И. Ленина

Все отчетливее проступают контуры строящегося в Румынии канала Дунай—Черное море. НА СНИМКЕ — мощный советский экскаватор, работающий на одном из участков трассы.

Всегда с вами

Каждое утро я с удовольствием следил за ходом сооружения Волго-Донского канала. Всем своим сердцем, сердцем писателя, я, как и миллионы румын, все время был с замечательными строителями, прокладывавшими путь для соединения двух великих русских рек.

Каждое утро я с удовольствием следил за ходом сооружения Волго-Донского канала. Всем своим сердцем, сердцем писателя, я, как и миллионы румын, все время был с замечательными строителями, прокладывавшими путь для соединения двух великих русских рек.

Каждое утро я с удовольствием следил за ходом сооружения Волго-Донского канала. Всем своим сердцем, сердцем писателя, я, как и миллионы румын, все время был с замечательными строителями, прокладывавшими путь для соединения двух великих русских рек.

Вот что мы можем...

В соседней квартире живет рабочий — токарь механического цеха паровозоремонтного завода имени Георгия Димитрова. Позднее вечером он постучал ко мне. Когда я открыл дверь, он смущенно сказал:

— Справочку одну я хотел бы получить у тебя. Читая вот, — он показал на газету, которую держал в руке, — и думаю, на верю здесь ошибка или, может быть, и правильно. Хотел бы поговорить с тобой.

Я пригласил соседа в комнату. Он сел на кушетку и начал набивать табаком свою трубку.

Токарь было на вид около 50 лет. Его усы уже начали седеть и пожелтели от табака. Он надел очки в металлической оправе и, улыбаясь, указал на газету.

— Как это понимать, — начал он, вытаскивая из трубки клубы синеватого дыма. — Тут каждый день пишут о Цимлянском море, помещают снимки пароходов, волны, все, как полагается...

— Да, — сказала я, — это действительно новое море!

— Хорошо, это мне ясно, но ты скажи мне: может ли оно быть таким длинным — 180 километров. Нет ли тут ошибок? Не напутали ли наборщики?

Он постучал трубкой по газете.

— Ведь это, как отсюда почти до Димитровграда. И как представляешь себе — все вода и вода! Как это...

— Так, — сказал я, — ошибки никакой нет. А ширина 30 километров.

Токарь снял очки. Потом опять надел их и вдруг широко улыбнулся.

— Ты простишь мне, старик, — начал он. — Я ни на одну секунду не усомнился в цифрах. Соврал тебе. Когда прочитал, очень обрадовался, а только не с кем было поделиться своей радостью. Подожди, думаю, пойду к соседу, скажу, что не верю, лишь бы разговор завязать. Ты извини.

Токарь жли один. Его жена умерла в прошлом году. Одного сына накануне 9 сентября 1944 года повесили в центральном тюрьме фашисты, другой сын находился в армии.

Я поставил на электрическую плитку кофейник, а на столе развернул «Югонец».

— Вот, — показал я, — схема Волго-Донского канала, а вот и Цимлянское море. Говорили до полноты... Мы расхаживали с соседом по площадке, откуда долго смотрели в изумрудную ширь моря, кипевшую в снежной пене волн, туда, где стремительно мчались белые катеры, двигались караваны барж. Нарусные лодки мерцали в матовой дали горизонта.

А за морем, там, где в степи еще недав-

возникновение жанра романа-эпопеи, рисующего исторически судьбы народа, — значительное событие для любой из литератур братских народов СССР. В острейшей литературе до последнего времени произведений такого рода не было. Понятие романа, который вызывает роман «Навстречу жизни» Евгения Уруймаговой — острейший писательницы, выступившей с книгой на русском языке. Это — серьезная, хотя и не во всем удавшаяся попытка создать именно такой роман-эпопею.

Замысел Е. Уруймаговой отличается большой сложностью. Через ее роман проходят десятки людей — реально существовавшие лица и вымышленные персонажи. В романе выведены крестьяне и рабочие, помещики и чиновники, священники и офицеры. Из помещичьего имения действие переносится на цинковый завод, из горного аула — во Владикавказ. Важно отметить, что писательница строит свое повествование на основных социальных противоречиях и антагонизмах эпохи, взятых в их национально-специфической форме. Вместе с тем она стремится слить изображение общественной борьбы с картинами личной жизни героев, наделенных резко выраженными индивидуальными чертами характера.

Многое в романе убеждает и волнует по-настоящему.

Жизнь Осетины полвека тому назад предстает перед нами в острейших драматических столкновениях, в непрерывающихся классовых схватках. Мы воочию видим, сколько горючего материала склалось на этой далекой окраине романовской империи, чтобы ярко вспыхнуть в революционном 1905 году.

В первых главах романа описывается, как жители села Дур-Дур, всех до одного, насильственно выселяют с земель, якобы принадлежащих помещикам Тугановым. Это — исторически достоверный факт. По распоряжению царских властей 143 семейства лишились своих домов и своей земли и вынуждены были искать себе пристанища где-нибудь. Так дурдурцы, жизнь которых и до того не была замкнутой, попадали в разряд «временных проживающих» или, попросту, «временных» — термин, в старой Осетии весьма распространенный. И писательница выразительно показывает истинное трагическое положение обездоленных крестьян, которые в тех местах, где им удается обосноваться, не могут претендовать на земельные наделы, не вправе строить, выгонять скотину на пастбища, вообще не имеют никаких прав.

С большой силой даны в романе типы эксплуататоров. Не только опираясь на выгоды им «дадут», но и чувствуя за собой поддержку государственного аппарата царизма, «хозяева» распоряжаются во-всю. Притворно-хитрецкие патриархально-феодалы типа сочетаются у них с более современными, буржуазными стяжателями. Есть в описании этих фигур нечто горьковское. Оно скрывается в том, как Е. Уруймагова изображает жестокость, алчность и циничную самоуверенность «хозяев». В то же время, следуя традиции Горького, писательница подчеркивает признаки человеческого распада в их среде, непрочность, неустойчивость их на первый взгляд столь непоколебимой власти.

Надолго запоминаются читателю такие персонажи, как Сафа Абаев и Сангат Гуларова, негнущие, властные и чертёвые люди с душой шакала (сравнение, не раз

Рид замечаний вызывают и образы рабочих в романе Е. Уруймаговой. Отдельные эпизоды заводской жизни, отдельные характерные черточки, несомненно, обратят на себя внимание читателей. Так, запечатлелась в памяти сцена отравления рабочих газом на цинковом заводе и последующего затем бурного возмущения рабочей массы. Неловко вора разговор старого рабочего Михенца с гордовым, протодушно полагающим, что вот Михенц — он как раз и есть ора «орядка» в его околотке. Отчетливо, хотя и сухо, выявлена в романе исключительная важная тема протестарской солидарности осетинских и русских рабочих.

Но в городских главах романа мы не встречаемся с теми целями, художественными изображениями, которые так тщательно выписаны в главах «деревенских». При переходе от деревни к городу повествование в значительной мере теряет свой сюжетно-связный характер, становится в ряде мест хроникальным.

Недостаточно показана в романе роль революционного подполья. Шейная жизнь партии, ее самоотверженная борьба за то, чтобы пролетариат стал гегемоном в революции 1905 года, в сущности, находится вне поля зрения автора.

Единственным революционером, показанным в романе более или менее полно, является сын Сафы — Владимир. Честолюбивый Сафа обучает своих детей в русских учебных заведениях и гордится тем, что один его сын стал коммерсантом, другой — офицером, а третий — врачом. Но доктор Абаев оказывается в семье Сафы «белой вороной». Он — видный деятель революционного подполья, человек, считающий, что «не уговаривать надо людей... не пресить у них своих человеческих прав, а вырывать, вырывать силой... ценой какой бы то ни было крови...»

Нет сомнения, что такой путь, какой предпринял Владимир, прошли в свое время многие осетинские интеллигенты. Изображая революционера, вышедшего из привилегированной среды и помещенного на службу рабочему классу, писательница не погрешила против исторической правды. Но нельзя не пожалеть, что, как и некоторые другие герои, Владимир не дан еще в движении, что остается неизвестным, как он оторвался от своей семьи и что привело его в ряды протестарской партии. Надо полагать, влияние русской марксистской мысли было для Владимира Абаева решающим. Однако в романе об этом не сказано, хотя догадываться, что дело было именно так, можно.

Таким образом, большой и сложный замысел произведения с этическим размахом реализован писательницей не полностью. Одни стороны прошлого, если можно так выразиться, «своены» Уруймаговой, как художником; другие же полноценного образа эпохи в ее романе не нашли. Очень хорошо показаны Тугановы, Сафы и им подобные; они разоблачаются нестерпимой неприимно и беспощадно. Знакомство с романом в борьбе с пережитками буржуазного национализма, восхваляющего замшелые старинные «устои», не подожжет никакому сомнению. Однако те исторические силы, которым принадлежит будущее, даны автором слабее.

На титульном листе романа Е. Уруймаговой стоит надпись: «Книга первая». Действительно, продолжение романа подготавливается всей логикой развития образов. Но нам кажется, автор еще вернется и к уже опубликованной книге для серьезной творческой ее доработки.

Евгений Уруймагова. «Навстречу жизни». Роман. Книга первая. «Советский писатель», М. 1951.

Константин СИМОНОВ

Рухнувший замысел

Писатель Федор Панферов напечатал в шестой книге журнала «Югонец» пьесу «Когда мы красные», которую в этом виде нельзя воспринять иначе, как черновик, непонятно каким образом попавший в печать. Однако, раз пьеса опубликована, стало быть, автор рассматривал ее, как готовое произведение, о котором и нужно и должно судить не с точки зрения добрых намерений, не с точки зрения возможности последующего исправления авторских просчетов и ошибок, а с единственно приемлемой в данном случае точки зрения: пьеса отпечатана в 130 тысячах экземпляров и претендует на то, чтобы как вполне законченное произведение явиться глазам читателей и зрителя.

Каково же главное содержание пьесы Федора Панферова?

Главное в ней — тут не может быть двух мнений — это история семейных отношений Ильи Курбатова и его жены Веры: история о том, как и по каким причинам эти отношения рухнули, почти бесспорно, чтобы драматургически изложить эту историю, привлечение главного внимания автора; эта история его интересует прежде всего, и рассказывая ее, он стремится изложить главные впадины им мысли.

Оговорюсь сразу же: я не вижу ничего дурного в основе замысла пьесы и не ставлю под сомнение добрые намерения автора, его искреннее желание обличить дурное и темное в людях и всей душой стать на сторону хорошего и светлого.

Но прежде чем перейти к разбору истории, позволюсь Ф. Панферовым в основу его пьесы, надо сказать, что эта история происходит у автора не в безвоздушном пространстве, что у автора главный герой — не просто некий Илья Курбатов, а секретарь горкома партии в новом крупном промышленном центре, что его друг Иван Чалов — не просто друг, подающий добрые советы, как вести себя в семейной жизни, а еще и директор металлургического комбината, что Юлия — не просто женщина, которая сначала любит Курбатова, а потом выходит замуж за Чалова, а еще и геолог, открывший месторождения руды — сырьевую базу нового комбината.

Отдавая свое внимание личной драме, происходящей в семье Курбатовых, автор все же показывает эту драму на созданном похода фоне общественных событий — и притом, казалось бы, событий глубоко драматических.

В самом деле, в первом же акте пьесы выясняется, что геологи (а с ними, очевидно, и Курбатов) по необъяснимым причинам дали правительству такие сведения

о богатстве рудных залежей, что это позволяло строить комбинат с расчетом на то, что он будет работать не на привозной, а на местной руде. Однако, когда комбинат построен и пушен, вдруг выясняется, что оптимистические сведения не имели под собой почвы. Геологи полагают, что руда должна где-то быть, но пока она не найдена и, в общем, даже неизвестно, как ее искать. Обнаруженных же запасов хватит лишь на какой-нибудь месяц работы.

В ситуации, о которой повествует автор, — налицо крупное государственное преступление, если и не возникшее из прямого, преднамеренного предательства, то во всяком случае, явившееся плодом опаснейшего охлократического обмана, в котором замешаны и Курбатов, и Чалов, и Юлия, и, очевидно, ряд других людей.

И вот подобную сложную, из ряда вон выходящую историю драматург трактует лишь как мелком набросанный факт, на котором происходит личная драма Курбатова, драма, которая, по существу, единственно и волнует автора пьесы и всех ее действующих лиц. Из оттого нелепо возникает и укрепляется сомнение: да неправда все это! Не было этого! — ни драматического стечения обстоятельств, ни комбинация, ни руды, ни первоначального обмана, ни дальнейших поисков... И такой Курбатов — никакой не секретарь горкома, и Чалов — вовсе не директор комбината, и Юлия — не геолог и никогда не находила никакой руды. Все это чистой выдумка.

Кабы все было правдой, так разве могли бы так жить и действовать в пьесе, так отдаваться личным делам и директор предприятия, которое через месяц останется без сырья, и секретарь горкома, который, поскольку он отрекомендовался честным человеком, видимо, был сначала обманут сам, а потом неверно информировал правительство. Даже при том условии, что после всех бед, которые им наделали, все-таки им самим доверили вырывать золотые жилы из горных пород, кроме мобилизации всех сил вокруг этого неотложнейшего дела — дела их жизни и дела жизни тысяч людей вокруг них? Нет, не могли бы!

Вышло, конечно, в жизни такие драматические и даже трагические ситуации. Вышли у ученых и инженеров крупные, опасные просчеты. И отдельные руководители — партийные и хозяйственные — проглядели, бывало, в подобных ситуациях преступные легкомыслие. И можно бы, на-

верно, об этом написать пьесу, — лет ничего запретного для правдивого изображения в советском искусстве, но в том-то и дело, что правды нет и в помине в том насихе приуменьшенном и насих, мелком набросанном так называемом общественном фоне, который в пьесе Панферова белыми нитками ко-как пришит к личной драме Курбатова и его жены.

Особенно неправдоподобны изображенные в пьесе поиски руды, начинающиеся после того, как выяснилось, что завод придется останавливать. Все — и Чалов, и Курбатов, и Юлия, и студенты, и даже приехавший погостить скульптор Нордов, судя по отдельным неопределенным репликам, принимающим ездить куда-то в горы. Поиски их ни к чему не приводят, а о богатых залежах руды в конце концов сообщают поистине загадочный Иван Иванович, представляющий некоего шестилетнего, тоже загадочного, «народного» Единженника и послали Ивана Ивановича служить билетером во Дворец культуры, как выясняется, для того, чтобы на тридцать пятую годовую революцию пригласить к советской власти и реинтегрировать ли эта советская власть доверия и стоит ли ей сообщать хранимый «народом» секрет богатых рудных месторождений. Пригласившись, Иван Иванович в конце концов решает, что советская власть заслуживает доверия и что надо ей сказать, где лежит руда. Тогда он торжественно открывает восхитленным секретарю горкома и директору комбината «секрет народа».

Когда читаешь эту историю, которую назвать можно нелепой — значит охарактеризовать ее самым мягким образом, то нелепо начинаешь думать: как могла она появиться в пьесе? Может быть, писателю попал в память какой-нибудь действительный факт, имевший место в 20-х годах, до начала или в самом начале первой пятилетки. Тогда, быть может, действительно, в каком-нибудь горном заброшенном уголке люди — представители отставного, в прошлом угнетенного маленького народа — еще прилагавшие к советской власти, еще не до конца расставшие с воспоминаниями о тех кундулах или золоторышничествах царского времени, которые, своеобразная ересь «порошечек», бросали тень на русские воины. В те времена, пожалуй, действительно могло случиться, что представители маленького народа, вынужденные прилагаться к новым советским порядкам, впервые встретившись с советскими людьми, начали доверять им и любить их, привели их к дальним залежам железа, а то и золота, о которых знали из рода в род.

Но как же мог писатель механически перенести подобную ситуацию в нынешние

дни, когда любой такой маленький, в прошлом отсталый народ, несомненно, покончил с неграмотностью, имеет теперь не только свою интеллигенцию, но и свои книги и газеты на родном языке, но и уже многие годы наравне со всеми другими народами активно участвует в социалистическом строительстве? Не только нелепо, но и, вне воли автора, клеветнически звучат в пьесе произносимые сейчас, в 1952 году, слова Курбатова об этом маленьком народе: «Да ведь проверяют... проведут нас и смотрят на нас, как на кот в мешке: что этот кот — мышей будет ловить или со стола тащить?». Это не просто нелепость и неправда. Это политически вредная нелепость и неправда!

Если подытожить все сказанное, то нельзя не прийти к выводу: все, что относится к государственной и общественной деятельности героев пьесы носит характер выдуманный, вымышленный, неправдоподобный.

Как видно, драматург, решив написать пьесу на личные темы, посчитал, что в этом случае общественную жизнь героев и их деятельность достаточно набросать в самых общих чертах, приблизительно, в широком и просторном, — так, чтобы на первый взгляд все было бы вроде и громко; тут и секретарь горкома, и директор завода, и поиски руды, а о «мелочном» правдоподобии заботиться нечего. Читателя, как и автора, бьет, мол, интересовать в пьесе главное в ней — личная тема, и если она будет хорошо решена, он простит за нее несовершенство остального. Но ситуации, написанные вне времени, неизбежно оказываются ложными, потому что 1952 год — это не просто условная дата, но 35-й год революции, со всеми сплоти неповторимыми приметами, запечатанными в человеческих характерах и делах. Там же, где начнется приближенность, там кончается правда — и в жизни и в искусстве.

Разумеется, можно написать пьесу, в которой главным будет личная жизнь ее героев, а их деятельность может быть показана сухо, происходя в значительной степени где-то за сценой. Могут быть и такие пьесы, — они имеют право на существование. Но как бы сухо ни была дана деятельность героев, она должна быть при этом дана не только сухо, но и точно. Люди могут на протяжении всей пьесы сидеть у себя дома, но они должны приносить к себе в дом дыхание той большой жизни, которой они живут. Об этой жизни в свою очередь может быть сказано немного, но понятие слова должно быть точное представление о том, каковы эти люди в своей общественной деятельности. Вот этого-то, как видно, и не понял Панферов.

Постановка своих героев в условия, в которых они, если следовать правде, обязаны, что называется, жизнь класть, исправляя плоды серьезнейшего ущерба, нанесенного

ими своей стране, своему народу, писатель, не менее, показывает их целиком поглощенными домашними делами.

Курбатов лишь «пробалтывает» слова о руде, как нечто незначительное, условное, а по-настоящему занимает его то, что Юлия показала перед Верой в его Курбатова, голубом галстуке, усложнив тем самым семейные отношения в их доме.

В пьесе не оказывается ни одного человека, который вел бы себя верно в тех условиях, что созданы для него самим же автором. А раз читатель подвергает сомнению достоверность общественной характеристики героев, он не может поверить и правде их личных отношений. Отсюда — тот страшный для писателя просчет, который нашел отражение во многих читательских письмах по поводу пьесы: люди, которых драматург хотел изобразить хорошими, положительными, воспринять как плохие, отрицательные, возбуждающие недоверие и даже антипатию.

Между тем главный замысел пьесы состоит в некоем уважении. В основе своей он правдив и направлен на обличение действительно еще существующих в жизни темных пятен. История Ильи и Веры Курбатовых должна бы рассказать о том, что происходит, когда мужчина перестает воспринимать живущую рядом с ним женщину как человека, как личность; когда он отрывает ее от общественной жизни, толкает на уход с работы, или, во всяком случае, воспринимает как должное и даже удобное, если это происходит «само собой». В итоге всего этого, пренебрегая ощущать свою жену как личность, занимающую свое место в обществе, он неизбежно перестает ощущать ее и как личность, которая интересна ему самому, теряет уважение к ней, привыкает к тому, что жена из самостоятельного человека превратилась в нечто прилагательное к нему, мужу, забываясь о муже и своих интересах не имеющее. Так начинается в конце концов рушиться его любовь к ней, и он, опираясь по сторонам и увидев другую женщину, которая работает, имеет общественные интересы, независимые мнения и независимую судьбу, начинает думать о ней, как об идеале, как о человеке, который мог бы принести ему счастье, которое не может якобы принести жена.

Ситуация человеческая, житейская, — такие истории бываюи, и не столь редко. Верный, честный выход из таких ситуаций люди находят не так-то легко, и подумайте об этом вместе с читателем и зрителем — задача для инженера человеческих душ хорошая и благородная.

Следует, однако, тут же сказать, что еще не перевелось у нас критиков, которые по поводу подобных ситуаций, будучи возмущены за них писателя, торопливо восклицают: «Так не бывает!». Не бывает, по их

мнению, ни ревности, ни душевных терзаний, давно изжит «буржуазный треугольник», и незачем автору ворошить старое, которое ниго, мол, волновать уже не может. Это — ханжество в самом чистом проявлении. Ведь сложностей в семейной жизни еще немало, и помочь разрешению этих сложностей — важная задача писателя.

Но посмотрим, как решается в пьесе Ф. Панферова эта главная его задача.

Главна решения в общем, как будто, правдива.

Варья в семье Курбатовых происходит тогда, когда Вера, уже чем-то тоскующаясь в своей жизни, но находившая утешение, по крайней мере, в том, что муж ее любит, а она, отрывается от себя, все делает для него и ради него, вдруг испытывает внезапное, ранящее ее сердце позрение и с отчаянием убеждает в том, что это так и есть, что ее муж уже долгое время оскорбляет ее обманом, что ему дорога другая женщина. Варья происходит не только потому, что Вера узнает о любви мужа к Юлии: почва для этого взрыва подготовлена всей несправедливой жизнью, сложившейся в семье Курбатовых, всем — сложившимся годами — неравноправием Веры по отношению к мужу. Но то, что при всем том, варья происходит именно тогда, когда Вера испытала мучительный приступ ревности, недоверия, отчаяния, — это задумано правдиво, так и бывает в жизни.

Итак, глубоко оскорбленная, потрясенная, Вера считает, что человек, для которого она отказывалась от себя, от всех своих интересов, обманул ее. Сначала она хотела согласиться на то, чтобы она стала при нем прилагательным, он потом сам же за это разлюбил ее. Как быть? Ответ на этот трудный вопрос в схеме своей намечает также верно. Продолжая любить мужа, Вера не согласна ни простить себе, ни примириться с ним. Она находит в себе силы начать новую жизнь. Она не ломает до конца семью, но, оставшись жить в том же доме уже чужим для мужа человеком, она ставит перед собой задачу вернуться к тому состоянию самостоятельности, внутренней уверенности работавшего, имеющего круг собственных интересов человека, как она начинала свою совместную жизнь с Курбатовым. Она не знает, как решится в конце концов их семейная жизнь, но она знает, что такой, какой она была, она больше не будет...

Именно таким мне видится главный замысел автора, если освободить канву пьесы от многих и очень многих узоров, которые он совершенно напрасно на ней

ПРОТИВ „ОБЩЕГО ДОГОВОРА“

Массовая демонстрация трудящихся, в которой приняло участие 150 тысяч человек, состоялась в Гамбурге (Западная Германия). Демонстранты требовали заключения мирного договора, восстановления единства Германии, протеста против милитаристского «общего договора». НА ФОТО: в колонне демонстрации гамбургских рабочих: на плакатах надписи: «Мирный договор обеспечит полную занятость». Снимок из немецкой газеты «Берлинер Цейтунг»

Под крылышком лондонских опекунов

Английская аристократия издавна претендовала на близкое знакомство с духами, привидениями и прочими представителями потустороннего мира. Каковой уважающий себя лорд не похвалялся в прошлом тем, что в одной из башен его родового замка обитает привидение?..

И хотя многие английские замки ныне проданы в молоток и по кирпичику перевезены американскими миллионерами за океан, а в оставшихся на Британских островах замках расквартированы американские оккупанты, традиции все же живучи. Некоторые лорды никак не могут изменить своей привычке возиться с привидениями. Но объектом их спиритических упражнений давно уже стали различные эмигрантские отшельники, выжившие Октябрьской революцией за пределы нашей Родины и окончательно утратившие реальность политического существования.

Куда бывших князей, графов и парских полковников, находившихся в Англии, почти никто забыл родной язык. Это, между прочим, подтверждают лекции, издаваемые ими в Лондоне. Это отребье сохранило с 1917 года лишь одно — звериную ненависть к трудящимся массам России.

Недавно белогвардейские «духи» зашевелились. Причиной тому послужило пресловутое решение американского конгресса об ассигновании 100 миллионов долларов на подрывную деятельность против Советского Союза и стран народной демократии. Чтобы привлечь к себе внимание посольства США в Лондоне и урвать некоторую толику от этих миллионов, «духи» надумали (в который раз!) объединиться.

Некоторые из власти имущих горячо и охотно поддержали эту «идею». Для начала нынешней весной в Лондоне был открыт так называемый «Русский офис». По этому поводу бюллетень бывших русских довольно откровенно сообщал: «Как известно, английские организации и власти оказали нам самую широкую помощь по устройству очага... и мы считали нужным показать англичанам, что было сделано на оказанную помощь». На встрече с членами «очага духов» прибыли представители английских опекунов и благодетелей, которых встречал главный «дух», именующийся князем Голыциным. Он произнес вступительное слово. Но гвоздем программы оказалось выступление леди Бельи, супруги бывшего английского посла в СССР, кото-

ГОРИТ ОГОНЬ НА БАШНЕ СТАДИОНА...

Не угасая ни на мгновение с той минуты, как он был зажжен, горит олимпийский огонь на башне Хельсинкского стадиона. Он горит ярким пламенем, призывая к смелости, к честности не только тех, кто борется на спортивных площадках, но и тех, кто оценивает эту борьбу.

Судейство олимпийских игр вызывает оживленные комментарии. И не случайно на пресс-конференции, устроенной в советском олимпийском городе Отаниemi, руководителем делегации СССР Н. Романову было больше всего задано вопросов именно по этому поводу.

Отвечая корреспондентам, Н. Романов заметил, что в целом уровень судейства весьма высок, судьи работают четко и организованно. Однако бывают и такие случаи: на соревнованиях по подниманию тяжестей штангисты Филиппин и Тринидада нарушили правила, и боковые судьи, естественно, не засчитали им взятый вес. Но затем неожиданно судейская коллегия утвердила эти результаты.

Примеры, подобные этому, я мог бы, к сожалению, привести еще. На состязаниях по борьбе все зрители видели, как советский боец Ялырван тушировал своего противника дачнинами. Не заметили этого только судьи.

На олимпийском стадионе все зрители были удивлены тем, что во время соревнования по ходьбе на 10 километров, когда до финиша оставалось 200—300 метров, швейцарский спортсмен Шваб, по существу, перешел на полубег для того, чтобы догнать шедшего впереди советского спортсмена Юнка. Судья с белым штрафным флажком бежал рядом со Швабом метров двести и только тогда предупредил швейцарца, когда Шваб догнал Юнка, дав Швабу, однако, возможность притти к финишу и занять второе место.

На стадионе все открыто. Десятки тысяч зрителей смотрят, и каждый промах спортсмена или судьи виден и вызывает немедленную реакцию.

Один день на стадионе не похож на другой. Каждый день приносит свои радости и свои горести. И, конечно, горестей не может не быть. В каждом соревновании спортсменам хочется занять первое место. А как известно, первое место всегда только одно. Непохоже было бы занять второе или, скажем, третье место, но и их всего по одному... А в каждом виде соревнований участвуют десятки, а иногда и сотни спортсменов. Но «горючих» заметить не так-то просто. Кто, заняв последнее или даже предпоследнее место, пойдет, улыбаясь, по беговой дорожке, простирая торжественно руки к зрителям? Он постарается тихо затеряться в шумной и пестрой толпе, натянуть молча свитер и броуки и, вздохнув, отойти в сторону, туда, где сидят его товарищи. Они, конечно, сочувствуют ему, но в глазах у них и немой укор: «Что же ты?»

Другое дело, когда завоевывает первое место, да еще поставив олимпийский рекорд, — тогда можно вот так же, как негр Дж. Роден из Ямайки, итти по кругу стадиона, затем лечь на траву беговой дорожки и так, лежа, оставить десятки автографов в книжечках и на листках, которые протягивают к тебе со всех сторон.

На стадионе существует точный график, и он, надо отметить, за небольшими исключениями, всегда выполняется. Но каким графиком можно предусмотреть то, что бы в Люксембургском спортсменом Бартелем?

В трудной спортивной борьбе он завоевал первое место в беге на 1500 метров. И когда он взошел на почетный пьедестал, приняв золотую медаль чемпиона и оркестр заиграл гимн Люксембурга и над олимпийским стадионом поднялся флаг Люксембурга, Бартель заплакал. Он заплакал не

от того, какой он хороший спортсмен, — от этого не плачут, а заплакал от гордости за свою страну, пусть маленькую, но родную страну. Те, кто сидел поближе, видели, как Бартель смахнул слезы рукой, и заплакал плачем к своему клубу.

Легкоатлетические соревнования шла к концу. Вот уже танцует от радости четверка американских спортсменов. Австралийки — их главные претенденты на первое место — уронили на одном из этапов эстафету, и не смогли наверстать упущенное время, уступив победу команде США, составленной из негритянок. Вот на почетном пьедестале мужская команда США, выигравшая первое место в эстафете 4x100. Два негра-бегуна, принесшие команде США победу на своих этапах, стоят во втором ряду, в первом — белые...

Прошла неделя олимпийских игр. Спортсмены всех стран узнали друг друга. С удивлением увидели многие, что, вопреки пропаганде о так называемом «железном занавесе», спортсмены Советского Союза радужно встречают спортсменов всех стран.

На днях в Отаниemi приехала группа американских гребцов. Они были гостеприимно встречены советскими спортсменами и пробыли почти целый день в Отаниemi. Дик Марфи, четвертый номер команды гребцов, потом рассказывал о том, что «русские парни были искренни и очень симпатичны».

Американским спортсменам понравилось быть в гостях у советских спортсменов. Они осматривали лагерь, прослушали концерт. Как они рассказывали потом, объясняясь пришлое частично знаками, но все же, к их удивлению, многие русские разговаривали по-английски и приглашали американских спортсменов в любое время приезжать в гости. Эта встреча, так же как и встреча советских спортсменов с некоторыми руководителями американской спортивной делегации, говорит о том, что язык дружбы — это язык, которым могут свободно разговаривать американские и советские спортсмены.

Анатолий СОФРОНОВ, спец. корреспондент «Литературной газеты» ХЕЛЬСИНКИ. (По телефону)

Вчера, 28 июля, был десятый день междунациональных олимпийских игр. В течение этих десяти дней проводены состязания по гимнастике, вольной борьбе, легкой атлетике, подниманию тяжестей, парусному спорту и т. д. Начались состязания по плаванию, прыжкам в воду, боксу, велосипеду; продолжались встречи баскетболистов, футболистов, ватерполистов.

На стрельбище Мальми мерялись силами сильнейшие стрелки мира. В программе, среди прочих видов, были и состязания по стрельбе из боевой винтовки на дистанцию 300 метров из трех положений (лежа, стоя и с колена). Первое место и золотую медаль олимпийского чемпиона завоевал представитель Советского Союза Анатолий Богданов.

Богданову 20 лет. Будучи членом добровольного спортивного общества «Трудовые резервы», он приставился к стрелковому спорту и здесь добился выдающихся результатов. Лучший их итог — золотая медаль чемпиона олимпийских игр 1952 года. Как сообщают из Хельсинки, иностранные стрелки, ознакомившиеся с винтовкой победителя, сделанной на тульском заводе, пришли от нее в восторг.

Сегодня закончились финальные состязания по бадминтону среди женщин. Первой на финише была представительница Финляндии Сеймо, второй — Липхард (Австрия). Третье место и бронзовую медаль завоевала Нина Савина (СССР).

Начались состязания по боксу. Анатолий Булаков (наилучший вес) встретился с голландским боксером. Бой выиграл Булаков.

В баскетбольном олимпийском турнире в результате жеребьевки в одной группе играют команды СССР, США, Бразилии и Чили, в другой — Аргентины, Франции, Болгарии и Уругвая. Первые результаты таковы: Аргентина выиграла у Болгарии 100:56, Франция у Уругвая 68:66, Бразилия у Чили 75:44. Встреча команд СССР—США закончилась со счетом 86:58 в пользу американской команды. Любопытно, что в команде США подобраны игроки очень высокого роста. Так, рост основного игрока Боба Карленда — 2 м 13 см, а средний рост участников команды 1 м 93 см. В состязаниях по водному поло команда СССР выиграла у Египта 3:2.

Финская и иностранная печать уделяет много внимания выступлению советских борцов. Шведская газета «Стокгольмский тиднинг» посвятила их выступлению всю первую страницу, дав ее под крупным заголовком: «Русские борцы косят противников». Другая шведская газета «Экспрессен» пишет: «По некоторым данным спорта они (советские спортсмены. — Ред.) изумительно сильны. Что, например, сказать о том, что они одержали победу в таком виде спорта, как гребец? Ведь она считается классическим англо-саксонским спортом!»

Сегодня в полуфинальном матче футбольного турнира встретились команды Венгрии и Швеции. Швеция, как известно, является чемпионом лондонской олимпиады 1948 года. Венгерские футболисты с большим подъемом провели ответственную игру, победили с разгромным счетом 6:0 и вышли, таким образом, в финал.

Вера — та Вера, какую он ее задумал. Ограничивая эти примеры. Таким образом, приходится сделать вывод, что при абсолютном опшибочном, неправдоподобном общественном фоне пьесы, автора постигло много неудач и прочетов, также и в главной для него истории личной жизни семьи Курбатова. Под тяжестью всех этих неудач и прочетов не мог не рухнуть замысел автора, где-то в основе своей добрый и благородный, преследовавший, это для меня несомненно, самые хорошие цели.

В заключение мне остается прибавить два замечания, имеющих отношение не только к пьесе, но и к нашей литературной жизни. Первое: пьеса Панферова появилась в журнале «Октябрь» в результате одобрения ее к печати всем составом редакционной коллегии. Лишь один член редакции М. Лукин решительно возражал против опубликования пьесы. Мы боремся с тем, когда произведение появляются в печати в результате произвола одного лица, мы ратем за коллегиальность, во имя того, чтобы избежать случаев произвола и бесприщипности. В данном случае пьеса была оценена коллегиально. И, однако, вне зависимости от расхождений, корректоры могли бы во взглядах на эту пьесу, редакцией журнала «Октябрь» поступила в печать заведомый черновик, в чем ни у кого из членов редакционной коллегии не было ни малейших сомнений. Таким образом, коллегиально было проявлено отсутствие принципиальности.

И второе замечание: в данном случае автор поспешно напечатанного черновика является, кроме того, и главным редактором журнала, в котором опубликовано это произведение. В таких случаях человек должен быть двойне строг к себе, двойне щепетил; не к похваляем, а к замечаниям и возражениям должен он прислушиваться в первую очередь. Этого не произошло с Ф. Панферовым. Он палачил свою пьесу в «Октябре», отнесся к ней критически, использовал свое решающее редакторское слово во вред себе, как писателю, и, к сожалению, сделал это уже не впервые в своей редакторской практике.

Главный редактор К. СИМОНОВ. Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Н. ГРИБАЧЕВ, Г. ГУЛИА, А. КОРНЕЙЧУК, В. КОРОТЕЕВ, В. КОСОЛАПОВ, А. КРИБИЦКИЙ, Л. ЛЕОНОВ, Н. ПОГОДИН, Б. РЮРИКОВ (зам. главного редактора).

Рухнувший замысел

(Окончание)

вышли. А узоры эти чем дальше, тем больше запутывают ход событий, канва терпит, действие пьесы приобретает хаотический, не оправданный логикой поступков характер. Говорить в этой связи обо всем нет возможности. Скажу только о некоторых, наиболее бросающихся в глаза вещах, вступающих в самое резкое противоречие с замыслом пьесы.

Во-первых, неверно, на мой взгляд, обрисована Юлия. Для того, чтобы показать, как и за что мог Курбатов полюбить Юлию, надо было столкнуть его с человеком, талантливим в работе, даровитым, смелым, глубоко и сильно живущим общественными интересами, т. е. с человеком, который действительно являл бы собой резкий контраст по сравнению с Верой; — в том ее печальном состоянии, в каком она предстала перед нами на первых же страницах пьесы. Это не оправдывало бы Курбатова, — нет, — но это делало бы понятным происхождение. Однако такой Юлии нет в пьесе, такого контраста между нею и Верой нет, а есть лишь противопоставление принципиальной куклушки, сознательно говорившей о своем нежелании строить семейную жизнь, — и Веры, у которой, при всех ее недостатках, как раз в этом-то вопросе гораздо больше хорошего и верного, чем у Юлии. А результат этой грубой ошибки автора прост и печален. Юлия оказывается не такой, какой она продекларирована, и чувство Курбатова к ней выглядит гораздо менее объяснимым и куда менее приглядным, чем хотел это сделать писатель.

В третьем акте пьесы появляется скульптор Нордов. Но замыслу автора, замыслу, утопленному, однако, в плохих репликах и неверных поступках, — это, вероятно, человек, который когда-то давно был сильно и безнадежно влюблен в Веру и в глубине души принес эту любовь через многие годы. Приехал он, несмотря на свою любовь, не посягает на Веру, на ее чувства, но в то же время своим глубоко человеческим отношением к ней помогает ей возвыситься в собственных глазах. Что же, такой замысел, сам по себе, не может вызывать возражений. Но беда в том, что все связанное с появлением Нордова пропитано ложной красотостью и

литературщиной, условны и совершенно неправдоподобны все воспоминания его о прошлых встречах с Верой и все разговоры об искусстве. С другой стороны, и ревность Курбатова к Нордову — чувство в подобной ситуации возможное — изображено, как нечто надсадное, мелочное, раздраженно-грубое, вне всякого представления о чувстве собственного достоинства. Все это производит тягостное впечатление, так же как и надоевшее обыгрывание обаятельных плеч Веры, которые Нордов лепит, очевидно, специально для того, чтобы возбуждать припадки ревности у Курбатова. Это так же антихудожественно, как возня с голубым галстуком Курбатова.

Необходимо сказать далее и о том, как показано в пьесе перерождение Веры, или, вернее, ее возвращение к собственному прежнему облику. Оно происходит в авторе по малознакомой волшебной палочке. Трудная, но важная задача, по существу, снята выдуманной сценой, в которой студентки приходят к Вере, иллюстрируя тем самым, что она уже снова стала преподавателем, что она уже занимается «поисками руды», что вообще все в ее жизни уже повернулось на 180 градусов. Эта сцена совершенно беспомощна; ни из этой, ни из других сцен мы так и не узнаем, как Вера вновь становится полноценной личностью.

К коренным просчетам писателя, самым решительным образом нарушающим читательское доверие, относится трактовка образов Шилова и Лии, какую дана она в пьесе. Споры нет, попадаются у нас еще маленькие, мелкие, грязные людишки, избравшие себе профессией гаденькое приспосабливание. Попадают и женщины, потерявшие человеческий, да, кстати, и женский, облик, — грубые и пошлые, погонные поисками выгольного, по их мнению, мужа, личинные и грязные. Это закономерный и неизбежный составный элемент капиталистического общества в нашем обществе существует на положении все более редкого, все решительнее отстраняемого на окраины жизни человеческого отребья. Но это отребье существует, проявляет себя, вредит, портит людские судьбы (иногда довольно чувствительно), потому что маленький, гаденький человек при попустительстве по отношению к нему, при другом либеральном прекраснотвории окружающих его людей, способен сделать го-

раздо больше зла и гадости, чем кажется, могло бы вписаться в самой его фигурке, поистине крошечной в масштабах нашего общества. В образах Шилова и Лии Панферов, видимо, задаясь целью показать именно таких, еще существующих кое-где людишек. Что же, право драматурга высказывать «за ушко да на солнышко» и таких уродец. Это полезно. Грязь надо беречься. А чтобы беречься, надо знать, что она, к сожалению, еще существует.

Но, увы, Панферов и тут не справился со своей задачей. Людишки эти — Шилова и Лия — получились у него неправдоподобными. Трудно поверить, что они именно так, как в пьесе, действуют в обществе.

Общество наше выросло, нормы поведения людей постепенно делались все более строгими и чистыми, отношение людей к подобному отребью становилось все более нетерпимым. И ошибка Панферова не в том, что он изобразил Шилова или Лию слишком плохими, — отребье всегда останется отребьем. Лия или Шилова не стали лучше за годы советской власти. Дело в другом. Они теперь иначе себя ведут. Общественное мнение вынудило их маскироваться. Они не смеют в нынешней жизни прибегать к таким грубо откровенным приемам, как какими прибегали они в пьесе Панферова. Лия в разговорах с Верой, с Юлией столь же начинична и откровенна, как и оставшаяся наедине с Шиловым. Несмотря на это, и Юлия, и Вера, да и другие персонажи в пьесе «на ты», к ней привыкли, вроде даже и не замечают того, что она собой представляет. Как Курбатов вообще может разговаривать с Шиловым — таким откровенным и чудовищным похлалом и мерзавцем, который навсего виден после первых же трех произнесенных им фраз. Как же не понять, что, раскусив такого Шилова или такую Лию на восьмьюшку или на четверть и оказавшись беспомощным раскусить их полностью, любой герой, — что бы ни говорил о нем автор, — окажется безнадежно скомпromитированным. И, читая пьесу, опять начинаешь думать, что тут что-то не так: либо слишком непросто терпимы верные герои, либо попросту близоруки и глупы.

Ну, что же, и эти грехи — и близорукость и терпимость — все это тоже иногда бывает в жизни. Но если грехи эти показаны, то следует выразить свое авторское отношение к ним: необходимо показать, что близорукость, доходящая до таких пределов, терпимость по отношению к Лии или Шилову — это слабость, ошибка, и притом ошибка серьезная. Но ничего этого в пьесе не сказано.

И еще один просчет, тоже крупный. Я уже говорил, что Чалов не состоялся в пьесе как директор завода. Но отвлеченно от «должности», в личной жизни, в беседах с друзьями, в разговорах со своей приемной матерью Марией Акмовой (кстати сказать, самым живым и натуральным в пьесе человеком), Чалов говорит немало разумных, верных вещей, хотя при этом иногда примитивизирует. Он не умеет, например, отделить пошленького, буржуазного уюта от хорошего, человеческого уюта трудовых людей. Кроме того, он путает два разных понятия и два разных требования: требование, чтобы женщина занималась самостоятельным трудом (требование, которое вообще, в идеале, верно, но пока еще, по условиям жизни, не может быть предъявлено каждой женщине, вне зависимости от условий ее жизни, размеров семьи и многих других обстоятельств), Чалов путает с другим требованием, законным по отношению ко всем, — с требованием, чтобы женщина дышала воздухом времени, в какой-то форме непременно участвовала в общественной жизни, жила общественными интересами, не замыкалась только в скорлупе семьи. Путая два понятия, огрубляя этот вопрос и ставя его несколько свысока, Чалов, вместе с автором, обидно задает многих читателей. Это отчетливо видно по пьесам, авторы которых совершенно согласны с тем, что женщина при всех обстоятельствах не должна отрываться от общественной жизни, от больших интересов общества, но в то же время, основываясь на реальных фактах сегодняшней действительности, говорят о том, что условия жизни часто ее заставляют женщину отрываться от самостоятельной работы и — иногда вообще, а иногда на длительный период — выполнять роль хозяйки дома, заботиться о семье, в которой несколько человек плотоотворно трудятся, и женщина ощущает свое место в жизни, помогая им спокойно делать это. Рассуждения Чалова, таким образом, далеко не безосновательны. Но если просчет обнаруживается, когда автор начинает сбавлять Чалова биографии. Тут в устах человека, задуманного, как воплощение мужественного характера, начинают назойливо повторяться упоминания о картонной лодке. А картонная лодка нужна для того, чтобы рассказать плохо придуманную историю, которую якобы не знает Вера, годами живущая рядом с Чаловым, — историю о том, как десять лет назад Чалов потерял семью и как только сегодня (в пьесе так и сказано: «сегодня») он понял, что не

нет, и нет надежды ее найти. Все это привносит в образ Чалова элемент ненатуральности. Возникает так и не объясненное автором противоречие: с одной стороны, нужно верить, что Чалов сильно любил, что он хранит память о погибшей жене и дочери; с другой стороны, вдруг после всего этого на сцене? появляются счастливые молодожены — Чалов и Юлия, так и не успевшие объяснить зрителю ни то, когда успела Юлия позабывать свою любовь к Курбатову, ни то, когда она успела полюбить Чалова, ни то, как он сам отнесся к тому и другому событию. Я бы стал неправильно говорить, что Чалов, десять лет назад потерявший семью, не мог полюбить женщину, которую он встретил, в частности, ту же Юлию (хотя для этого в ее образе должно было быть много больше оснований, чем есть в пьесе). Я даже не хочу сказать, что для Юлии — женщины, любившей женатого человека и по разным причинам, зависевшей и не зависевшей от ее воли, пришедшей к необходимости расстаться с этим человеком, — абсолютно исключена возможность через какое-то время полюбить другого встретившегося на пути хорошего человека, отказаться от своих воззрений куклушки, захотеть ребенка. Но ведь это надо показать, это надо раскрыть в судьбах, характере, в разговорах и поступках людей. Нельзя же, чтобы такие важные и трудные в жизни человека вещи происходили за сценой. Они неизбежно будут выглядеть фальшиво, как и выйдут в пьесе.

К таким неудачам в создании образов и в развитии их нужно прибавить и то, что в пьесе есть много, очень много мелких и крупных несообразностей, много мест, которые следует по всей правде назвать антихудожественными. Есть споры, которые переходят почти в перебранку, есть моменты, в которых накал страстей подменяется визгливыми криками, более подходящими к грубой ссоре, чем к сильному столкновению сильных характеров. Мне кажется, в частности, что совершенно рушится образ Веры, когда читатель не гневные (это было бы хорошо), не злые (это было бы оправдано обстановкой), а я бы сказал, кухонно-ревнивые, злобные реплики в диалоге с мужем на 105-й странице журнала. Как Панферов не почувствовал, что не может и не должна так говорить